

НАТАЛЬЯ

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

ПЕРФИЛОВА

КОРОЛЯ ИГРАЕТ СВИТА

Наталья Перфилова

Короля играет свита

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=591385

Короля играет свита: Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-227-02463-3

Аннотация

Вечеринка по поводу годовщины развода Яны Михайловой закончилась весьма плачевно: застолье испортил некстати явившийся муж-ревнивец, а утром девушка обнаружила у своего порога труп молодого мужчины, убитого ее кухонным ножом... Что дело это чересчур опасное и мутное, Яна поняла, когда объявился брат покойного, Максим Горохов – один из самых богатых людей в городе. Он надавил на следствие, и вскоре преступник уже сидел за решеткой. Это был Игорь – бывший муж Яны. Но так ли все просто, как кажется на первый взгляд?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	43
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Наталья Перфилова

Короля играет свита

Глава 1

Яна

Проснулась я от холода. Долго возилась, пыталась согреться, подтянув ноги к самому подбородку. Потом нащупала одеяло, накрылась им с головой и только-только начала погружаться обратно в мир сновидений, как тепло опять поползло куда-то в сторону. Дернув его на себя, я услышала тихое, но угрожающее рычание.

– Дизель, отстань, а... Я же только легла, спать охота.

Пес терпеливо выслушал, внимательно глядя мне в глаза, но спустя пять секунд снова пару раз тявкнул и решительно сдернул одеяло на пол.

– Ну все, встаю, встаю, ты победил... Что там у тебя случилось в такую рань?

Часы на прикроватной тумбочке показывали девять. Странно, на улице уже совсем светло, а мне казалось, я только что легла. Я вздохнула и огляделась.

В квартире царил ужасающий бардак. Это повергло меня в уныние и вызвало приступ головной боли. Да уж... по

всему видно, праздник жизни, устроенный вчера Мариной, удался.

А ведь начиналось все вполне прилично: с торта, завязанного затейливым бантиком, бутылки шампанского, салатов, сделанных на скорую руку, музыки... Да, кажется, было весело. Только вот почему я совершенно не помню, чем эта вечеринка закончилась? А вспомнить бы надо...

Ладно, начнем по порядку. Я потерла виски и прикрыла глаза.

Для начала повод. Ну, с этим просто. Вчера был ровно год, как я живу одна (вернее, с Дизелем), в законном разводе с мужем. Свободная, гордая и так далее и тому подобное... Кто-то, может, меня не поймет, решив, что развод не самый удачный повод для праздника, но, честно сказать, меня это мало волнует. Я счастлива, что обрела наконец свободу. Правда, счастлива... Ну хорошо, с этим все более или менее ясно.

Теперь гости.

С этим сложнее. Устраивать торжество по такому сомнительному поводу я, конечно, не собиралась. Планировала посидеть вечером на кухне с Мариной, выпить по фужеру шампанского, потрепаться о наболевшем и вечном... Ну как-то так примерно. Но Марина, как всегда, всё решила по-своему. Моя лучшая подруга совершенно не умеет жить тихо и спокойно. Энергия бьет через край ее необъятной души, заставляя совершать иногда самые необдуманные и да-

же странные поступки. Но такова уж она, эта взбалмошная Марина Орлова. Сейчас, после моего развода, у нее прибавилась еще одна головная боль – непреодолимое желание побыстрее устроить судьбу подруги и снова нацепить мне на палец обручальное кольцо, желательно подороже и покрасивее.

Ну ладно, про Марину потом, сейчас надо бы сосредоточиться на вчерашнем дне... Встала вчера я поздно, часов в одиннадцать где-то, позавтракала, неторопливо прибралась в квартире, приняла ванну, волосы уложила... Когда я спокойно пила в кухне чай, ожидая прихода подруги, раздался звонок.

Открыв дверь, я увидела на пороге сияющую широченной голливудской улыбкой Марину и двух совершенно неожиданных гостей мужского пола. По количеству присутствующих я с досадой поняла, что предстоит очередной сеанс сватовства, в которых по вине лучшей подруги я участвовала уже не раз. Иногда знакомство оказывалось приятным, иногда не очень. Надо признать, скучно бывало редко, но и не закончилось подобное сватовство чем-то серьезным еще ни разу. Иногда мы встречались с Маринкиным протеже пару-тройку раз, а потом благополучно расходились, как в море корабли.

Улыбнувшись еще ослепительнее, Марина жизнерадостно заворковала:

– Привет! Мы тут совершенно случайно оказались в твоих краях, а на улице, как назло, холодища. Вот мы и решили

заглянуть к тебе на огонек. Не прогонишь, Ян?

В общем, я и не слушала особо, все равно подруга в свое оправдание говорила всегда примерно одно и то же. Я посторонилась, пропуская гостей внутрь. Пока жизнерадостная Маринка и ее спутники раздевались в прихожей, я внимательно рассмотрела пришедших мужчин. Личность, которая придерживала Марину под локоток и приветливо улыбалась, была мне знакома. Кажется, парня звали Михаилом. Он приходил с Мариной уже раз пять или шесть, что, несомненно, характеризовало его с наилучшей стороны. Выдержать Маришу с ее бешеным темпераментом и взрывным характером столько времени может только мудрый, спокойный и психически уравновешенный человек. Я приветливо улыбнулась Михаилу и посмотрела на второго гостя. Он, конечно, производил очень бледное впечатление. Особенно рядом с высоченным красавцем Мишей. Окрестив его про себя «задохликом» и «замухрышкой», я сразу поняла, что с этим парнем у меня никаких, даже мимолетных однодневных, отношений сложиться не может. Как не втолковывала мне потом на кухне подруга, что Славик «замечательный человек», «умнейший», «добрейший», «при бабках», это уже ничего изменить не могло.

Но и повеселиться от души это в принципе нам не мешало. Тем более что несмотря на то, что оказались ребята у моего дома «ну совершенно случайно», подготовились они к празднику основательно. Буквально в дверях с торжествен-

ным видом Михаил вручил мне объемистую сумку с продуктами и прозрачную пластиковую коробку с шоколадным тортом. А Славик, слегка смущаясь, протянул пакет, в котором позвякивали две бутылки шампанского.

Девушка я вообще-то не скучная, люблю праздники, танцы, веселье. Выпиваю, правда, совсем мало. Не то чтобы совсем не пью – пару-тройку фужеров шампанского или сухого вина могу себе позволить. Для поднятия настроения этого вполне достаточно, но вообще, как говорил мой бывший муж, пить я не умею. Стоит немного переборщить, и все. Дальше непредсказуемо. Становлюсь совершенно другим человеком, совершаю какие-то дурацкие поступки, громко смеюсь или, наоборот, начинаю оплакивать свою безвременно загубленную молодость... А еще, выпив, я становлюсь очень страстной. Ну просто очень. Как шутил мой муж, я становлюсь Женщиной. Вот-вот, именно так – с большой буквы «Ж»... Короче говоря, пить я стараюсь только легкие спиртные напитки, поэтому то, что гости принесли с собой шампанское, меня порадовало. Уж очень я не люблю, когда ко мне пристают с навязчивым «Выпей... выпей...», как будто специально стараются сделать так, чтобы я побыстрее уснула и наутро вообще ничего не помнила. Такое случалось в моей жизни всего два раза, и повторения я не хочу ни за какие коврижки!

В общем, наша вчерашняя вечеринка с шампанским обещала быть миленькой, тихой и довольно веселой. Без каких

бы то ни было подводных камней.

Но и тут коварная Маринка решила все по-своему. Видя, что сватовство ее в этот раз не дает никаких результатов, ни танцы, ни музыка, ни шампанское не продвигают наши со Славиком отношения ни на йоту, подруга решила расстараться последним средством. И чего она так за этого «задохлика» переживала, не пойму. Может, Миша ее попросил, или ей просто неудобно было быть счастливой одной...

Она втихаря послала мужчин за «приличной» водкой, мы обновили натюрморт на столе, и вечеринка вошла в свою заключительную фазу. Как им удалось уговорить меня выпить «немножко» водки, я и сама понять не могу. Но я выпила. Потом еще. Я помню, было очень весело, мы танцевали, пели, смеялись... и снова танцевали... Что было дальше, вспомнить уже не могу.

Я глубоко вздохнула и открыла глаза. Стол, заваленный грязной посудой, разбитый цветочный горшок на полу... Настроение упало ниже некуда.

Укоризненное рычание со стороны входной двери напомнило о страданиях бедного Дизеля.

– Прости, малыш, – виновато сказала я и торопливо направилась в прихожую.

Я еще не знала, что в тот момент, когда дверь будет открыта, судьба моя непоправимо изменится. Образ жизни и даже характер станут совсем другими. Тревога и беспокой-

ство прочно поселятся в моей душе. Страх и кошмары будут отравлять существование. Ей-богу, знай я это, сто раз бы подумала, прежде чем прикоснуться к замку. Хотя, если честно, от меня уже ничего не зависело. Все было сделано злодейкой судьбой по самому дикому и непредсказуемому сценарию.

Но я, конечно, предвидеть ничего такого не могла, планировала просто выпустить во двор пса, потом выпить таблетку от головной боли и снова вернуться в постель. Ну а потом спать. Спать, спать и спать...

Глава 2

Яна

К сожалению, лечь спать в этот день мне пришлось еще не скоро. Правда, и без того сознание прояснилось быстро и окончательно. Даже про больную голову я почти сразу забыла...

Взявшись за замок, я с негодованием поняла, что дверь не заперта. Неблагодарные гости ушли, оставив меня спящей в открытой квартире. Конечно, с таким охранником, как Дизель, бояться было особенно нечего. Вид пес имел устрашающий. На людей бросаться мы его, правда, не учили, но лаял он ужасно свирепо и очень громко! Я бы обязательно услышала, что в квартире появились чужие. Однако разбудить меня сегодня ночью... Впрочем, все обошлось, и ладно.

Дверь я открыла, Дизель со всех лап рванул на улицу, а я в недоумении застыла в дверном проеме. Напротив моей квартиры лежал мужчина. Лицо его я не видела, но, судя по всему, он был молод, красив и не беден. Об этом говорило все: костюм, шикарные часы на откинутой руке, зажатый в ней сотовый далеко не дешевой модели. Слегка удивила одежда. Вернее, не то, что на нем было надето, а как раз то, что отсутствовало. На календаре у нас значилось начало весны, март, если точнее, но погода об этом как будто забыла.

Холодно почти по-февральски. Несмотря на это, на мужчине был всего лишь пиджак и никакого намека на пальто, куртку или хотя бы теплый свитер. Возможно, уже успела постараться местная шпана. Раздеть пьяного хулиганам раз плюнуть, но тогда они, наверное бы, и часы с мобильником забрали... Нет, скорее всего, мужчина пришел не с улицы, а, наоборот, из какой-то квартиры направлялся немного проветриться на свежем воздухе. Да вот не дошел... Н-да...

Странно. К кому, интересно, в наш подъезд заскочил такой дядечка шикарный и где он, бедный, так надрался в девять-то утра? Тяжко ему просыпаться будет, искренне посочувствовала я будущему собрату по похмелью.

Еще секунд десять полюбовавшись на странного незнакомца, я уже практически повернула обратно к вожаденной постели, когда снизу раздался звон бутылок, топот и укоризненный голос моей соседки Танечки с пятого этажа. Тане всего восемь лет, но в их семье она единственный трезвомыслящий человек в прямом и переносном смысле. Для своих лет она на удивление хозяйственна и рассудительна. Вот и сейчас Таня шла из магазина с целым пакетом продуктов для их многочисленного семейства.

– Тетя Яна! Ну что же вы стоите? Заберите своего дядю поскорее, а то Никулишна из семнадцатой квартиры уже хочет его в милицию сдать. А в вытрезвителе знаете какие штрафы! – тяжело вздохнула она, явно повторив слова и интонацию за кем-то из взрослых, и уже от себя, по-простому,

добавила: — Да и холодно, простудится же. Я еще утром, когда он от вас выходил, ему говорила: наденьте, дядя, пальто, не май ведь месяц. А он посмеялся только и говорит: «Меня другое греет». Вот и нагрелся, горемыка. — Девочка опять перешла на тон кумушек с лавки у подъезда. — И где это он этой окаянной водки с утра нализался?.. Да вы, тетя Яна, хоть телефон у него заберите, а то к Ваське друзья идут, я видела, у магазина собираются, так стырят же, неужели не жалко?

Слова эти Танечка договаривала уже, поднимаясь на свой этаж, аккуратно подняв тяжелый пакет, чтобы не стукнулся о ступеньки и не побились банки, дружно звенящие внутри.

Проводив ее взглядом, я стала переваривать услышанное. Когда дошла до места, где красавчик выходит из моей квартиры в семь утра, спать расхотелось совсем. Я еще раз повнимательнее присмотрелась к мужчине. Нет, видимо, Танюша ошиблась этажом или квартирой спросонья. А жаль вообще-то. Даже в таком непрезентабельном виде, лежа на полу в подъезде, парень выглядел, пожалуй, посимпатичнее вчерашнего жениха Марины, и, уж конечно, его даже рядом было не поставить с «замухрышкой» Славиком.

Я уже собралась было закрыть дверь, но тут меня посетила неожиданная мысль. А что, если это банальный вор? Дверь-то у меня всю ночь была открыта. Хотя, конечно, такая версия очень и очень маловероятна. Во-первых, если он ушел от меня в семь, то что он делает здесь в девять? Вернулся, что ли, еще раз? Сомнительно. Судя по всему, выходя якобы от

меня, он ничего крупного с собой не выносил, хозяйственная Танечка заметила бы это обязательно, а мелкого – золотабрильянтов-баксов – у меня не столько, чтобы уносить в две ходки. И наконец, зачем тогда он так напился?! Спиртным несет аж метра на три.

Нет, видимо, девочка все-таки ошиблась, и повезло кому-то другому. Хотя пьющий человек не подарок. Даже красивый и с дорогим сотовым телефоном. Кстати, о телефоне. Права Таня: Васькины друзья обязательно украдут его, если увидят. Надо забрать пока. Верну, когда придет в себя. И часы не мешало бы снять на время. Можно записку в карман положить, чтобы, как очухается, знал, где искать свою пропажу.

Я наклонилась и осторожно потянула телефон из руки незнакомца. Он поддался неожиданно легко. Я повертела в руках дорогой серебристый мобильник и сунула в карман. Потом присела на корточки, прикидывая, стоит ли снимать часы или просто аккуратно прикрыть их рукавом пиджака... Нет, все-таки лучше снять от греха подальше. Я взяла парня за руку и... испугалась. Вскочив, я со страхом попятилась к своей двери.

Едва дотронувшись до ледяной руки незнакомца, я сразу поняла, вернее, даже не поняла, почувствовала – ОН МЕРТВ!

Я с ужасом смотрела на мертвого человека, распластавшегося у моих ног, и не могла сдвинуться с места. Боже, какая

я дура! Стою тут, рассуждаю, а человеку скорая нужна. Он и не пьяный, возможно, мало ли откуда может спиртным пахнуть. Вон в углу разбитая бутылка из-под водки валяется, а под ней большое мокрое пятно... Наверное, он и уронил, когда падал. Неудивительно, что пахнет спиртом на весь подъезд. От обычного пьянчужки так одуряющее сильно пахнуть вообще не должно... А вдруг сердце больное у него или еще что. А вот запаха этого хватило, чтобы он тихо умирал, а жители нашего подъезда, привыкшие к «трупам», от которых несет спиртом, спокойно через него перешагивали. Да еще и ругали, что не мог прилечь где-нибудь в уголке и не мешать добрым людям ходить по своим утренним надобностям.

Хотя, конечно, особо ругать себя мне было не за что. Конечно, до этого в жизни я не видела ни одного трупа так близко, но все же моих познаний в медицине хватило, чтобы понять – помочь парню при всем желании я все равно бы не смогла. Пока мы беседовали с Татьяной, он уже был мертв и, судя по ледяной окаменевшей руке, давно.

Да, жизнь несправедлива: молодой, красивый, богатый, а здоровье так подвело. Обидно... Вот ведь не повезло парню... Надо бы милицию вызвать. Хотя, может, Никулишна вызвала уже. Что-то такое, кажется, Таня говорила? Пойду умоюсь, причешу волосы и зайду в семнадцатую квартиру, узнаю.

Но заходить не пришлось. Не успела я почистить зубы, как послышался визгливый голос Никулишны с площадки перед

дверью.

— Да ты, в конце концов, шалава, забереешь хахаля своего или нет?! Мне тележку надо провезти, а он тут разлегся! Как, значит, колобродить всю ночь, нужен был, а теперь пусть валяется, как коврик тамбурный?!

Вслед за этим дверной звонок взорвался у меня в голове оглушительной трелью. Я сильно разозлилась, честно говоря, от таких обидных и, главное, несправедливых обвинений. Быстренько вытерев лицо полотенцем, выскочила на площадку и неожиданно грубо рявкнула:

— Во-первых, я не шалава! Во-вторых, мужик не мой. В-третьих, хватит орать на весь подъезд, голова болит!

Никулишна оторопела. Замолчала даже на пару секунд и заголосила с новой силой, явно призывая соседей в свидетели и сочувствующие:

— Голова болит?! Да как ей не болеть-то, милая?! У всего подъезда болит головушка после ваших вчерашних кандыбасов! Музыку на все пять этажей слышать было! Скандал учинили, драку, стекло на втором этаже разбили! Тебя этот мужик на руках домой тащил, ты песни орала, с ним все целоваться лезла! На втором этаже весь пол загадили, розами, видишь ли, пол устилали, а убирать кому?! Ах ты, шалава! Шалава ты подзаборная и есть! Вешаться, значит, на мужика всю ночь можно, а потом замерзай-подыхай, даже из квартиры выбросила?! Все, кончилось мое терпение! Иду вызывать милицию! Надо было еще ночью вызвать, хоть бы вы-

спались спокойно, да тебя пожалели, проשמандовку! А она еще орать тут будет!

Договаривала это Никулишна уже из дверей своей квартиры, куда направилась с твердым намерением вызвать милицию.

Ни один из соседей, знакомых с буйным нравом Никулишны, так и не вышел. Но я уверена, в каждой из квартир на этаже к двери прильнуло любопытное ухо, а может, и не одно.

Но меня это не волновало. Я была ошеломлена, буквально пригвождена к месту гневной тирадой соседки. Несмотря на свою склочность, врать она не стала бы никогда. Значит, каждое слово, сказанное сейчас Никулишной, – чистая правда...

Этот парень был у меня, нес на руках, устилал путь лепестками роз, я целовала его. В семь утра он ушел отсюда веселый и довольный, потом вернулся и... УМЕР... Ужас! Этого просто не может быть. Я его не знаю. Да, у меня вчера были гости, мы пели песни и веселились, но... но его-то среди гостей не было! Откуда он взялся, боже мой?! Может, он пришел позднее, может, это очередной «жених» от Маринки? Она поняла, что «замухрышка» Славик совершенно мне не подходит, и решила сменить на другого? Но это вряд ли, не было в окружении моей подружки такого шикарного парня. А уж если бы вдруг затесался этот молодой человек в ряды Маринкиных поклонников, фигурки бы она отдала

его мне. И все же откуда-то он ведь взялся...

Видимо, я долго так рассуждала, стоя босиком на лестничной площадке, потому что ноги заledenели, и это вернуло меня к реальности. Я побрела к себе в квартиру, не совсем представляя, что делать дальше. Похмелье как рукой сняло, про больную голову я забыла. Поразмышляв минуты три, я поняла, что сделать сейчас могу единственное – позвонить Маринке и узнать, что за ерунда вчера происходила в моей квартире, чем закончилась вечеринка и куда подевались все гости... Боже мой, как же я корила себя за выпитую вчера лишнюю рюмку! Мама дорогая! Да ни разу в жизни больше! Ни единого раза!

Телефон Марины не отвечал. Это меня в принципе не удивило. Если она вообще дома, то проснется не раньше двенадцати часов, у нее ведь Дизеля нет, а Олег, ее муж, в командировке. Набрав Маринкин номер еще раз пять, я поняла, что разговор с подругой пока придется отложить. Скорее всего, она просто-напросто отключила телефон, чтобы не мешал спать.

Милиция прибыла минут через сорок, и это очень даже быстро, если учесть, что вызывали-то ее не к трупу, а к обычному алкоголику. За это время я успела привести квартиру, себя и свои мысли в относительный порядок и уже собиралась выпить чашечку кофе на вновь прибранной кухне, когда в дверь позвонили.

На пороге стоял наш участковый дядя Гриша. Видимо, его

послали разобраться по вызову Никулишны. Он смотрел на меня укоризненно и явно осуждал за черствость к мужику, с которым пила всю ночь и которому теперь по моей вине грозит загреметь в вытрезвитель. Как я поняла, он пришел, чтобы решить эту проблему со мной полюбовно: помочь за-тащить мужика в квартиру, промочить горло на моей кухне чаем или чем-то покрепче, если угощу, ну и благополучно потом вернуться домой к жене, детям и внукам. Сегодня все-таки воскресенье, и грех его портить из-за того, что кто-то перебрал лишнего. Дело-то житейское... Но звонок от зло-вредной пенсионерки получен, надо реагировать. Вот он, дядя Гриша, и реагирует.

Все это четко и ясно отразилось на лице участкового, но, увы, помочь ему я не могла ничем. Воскресенье его, так же как и мое, было безнадежно испорчено трупом незнакомого молодого человека на холодном полу в подъезде.

Об этом с горечью в голосе поведала я дяде Грише, об этом же он сурово и лаконично сообщил по телефону «кому следует». Кофе с остатками вчерашнего торта я все же выпила, только не одна, а в компании участкового. В процессе чего, под проницательным взглядом старого опытного милиционера, изложила всю историю так, как я ее узнала сегодня утром со слов соседей. От себя добавить мне было нечего.

Глава 3

Яна

Милиция второй раз за сутки удивила своей оперативностью. Но меня это совсем не обрадовало. Никак за все утро мне не давали сосредоточиться. Если бы меня хоть ненадолго оставили в покое, возможно, примостившись на диване и спокойно обдумав детали прошлой ночи, я смогла бы хоть что-то вспомнить. Но события развивались так стремительно, что о спокойном размышлении не могло быть и речи.

Через двадцать минут после звонка дяди Гриши начальству на нашей лестничной клетке слышались гул мужских голосов, топот тяжелой обуви, ну и, наконец, звонок в мою и так открытую в это утро дверь. Участковый мгновенно приосанился, подтянул живот, расправил плечи и двинулся навстречу своим обязанностям, то есть опрашивать соседей о подробностях пребывания данного молодого человека на территории вверенного ему подъезда, эксперты на лестничной площадке занялись телом, а я осталась наедине с молодым человеком серьезного вида и с какими-то грустными, даже недобрыми глазами. Грустный взгляд милиционера был в общем понятен: кому же хочется с утра в воскресенье заниматься работой, которой и так всю неделю загружен под завязку... Такие мысли вяло текли в моей голове,

отгоняя неловкость и беспокойство, которые все более и более окутывали меня под этим спокойным недоброжелательным взглядом. Хорошо, хоть я успела немного прибраться, привести себя в порядок, а то бог знает, что подумал бы обо мне этот человек. Хотя он, наверное, всякого на своей работе повидал...

Между тем следователь достал из большого потрепанного планшета ручку, стопку бумаги и, по-хозяйски усевшись за стол, вполне мирно спросил:

– Ну что же, приступим?

Я подавленно кивнула, а что мне еще оставалось делать?

– Для начала представлюсь – капитан Скворцов Антон Евгеньевич, дежурный следователь четвертого отделения милиции вашего района.

– Михайлова Янина Петровна, библиотекарь, работаю в отделе современной литературы, – отозвалась я и зачем-то брякнула: – Приятно познакомиться!

Антон Евгеньевич с удивлением на меня посмотрел, но ничего не сказал, только едва заметно пожал плечами, а потом все так же спокойно произнес:

– Нельзя ли подкрепить данное заявление какими-либо документами, уважаемая Янина Петровна? Общаться нам с вами придется долго и плотно, так что лучше сразу покончить со всеми формальностями и не отвлекаться потом. Меня интересуют все нюансы: возраст, гражданство, семейное положение, прописка, адрес библиотеки, где вы работаете.

Паспорт для начала покажите, пожалуйста, Янина Петровна, если таковой имеется в наличии.

Я без слов поднялась, достала из своей сумки паспорт и протянула товарищу капитану Скворцову. Пока он изучал документ и выписывал из него заинтересовавшие его сведения, я с тоской переваривала то, что сейчас услышала. Значит, «общаться нам придется долго и плотно»... То есть, как бы сказала мама, меня попросту затаскают по милициям. Сколько времени и нервов на это будет убито, страшно даже подумать. И самое главное, не очень понятно, за что мне это... Я понимаю, конечно, человек умер... Это большое горе и все такое. Но я-то ведь, по большому счету, вовсе ни при чем в этой истории. Даже если допустить, что соседи правы и парень действительно был у меня в гостях. Ну и что? Если у него прихватило сердце или, может, insult какой-то случился, то при чем тут я? Я, конечно, понимаю, что обязана дать показания насчет вчерашнего вечера и особенно сегодняшнего утра... Но больше одного, максимум двух раз делать мне в милиции нечего. Тут скорее медэксперты должны работать, а не следователи. Хотя, наверное, в милиции у нас такой же бюрократизм, как и во всех остальных государственных инстанциях. Пока какую-нибудь самую вшивую бумажку оформишь, поседеешь. А тут все-таки труп...

Закончив изучение паспорта, Антон Евгеньевич снова вспомнил обо мне. Не отрывая глаз от своих бумажек, он деловито начал сыпать вопросами:

– Кем приходился вам убитый? В каких состояли отношениях? И не могли бы вы уточнить ФИО и социальный статус покойного?

Я уже начала привыкать, что молодой человек с лестничной клетки имеет какое-то отношение ко мне и моей жилплощади, хотя я не представляю ни его имени, ни фамилии, ни уж тем более социального статуса и даже вряд ли вспомню его лицо. Все это я без особого энтузиазма сообщила товарищу капитану. И не удержалась от замечания, ведь неправильно это – называть человека убитым, пока детально не изучены причины смерти.

Антон Евгеньевич поднял на меня глаза и невесело усмехнулся:

– Видите ли, уважаемая Янина Петровна, я, конечно, не специалист в области медицины. Но если у трупа в области шеи торчит нож размером с детскую лопатку, загнанный по самую рукоять, то глупо было бы предполагать, что умер он от испуга или шаровой молнии. Поэтому я могу смело называть этого человека убитым. По-моему, всё очевидно. Вы не согласны, Янина Петровна?

– Нож?! – Я так откровенно испугалась, что даже покачнулась и не села, а буквально упала на диван, рядом с которым только что стояла.

Капитан, видя мое неподдельное изумление и испуг, вроде даже слегка проникся ко мне сочувствием:

– Да, нож... Видимо, вы не заметили, так как покойный

упал на него, благодаря чему и крови было совсем немного. Я думаю, поэтому да еще и из-за запаха алкоголя из разбитой на лестничной клетке бутылки все считали его вашим перебравшим ухажером и в течение почти двух часов перешагивали через него, не подозревая о случившейся трагедии... Итак, вернемся к личности убитого. Что вы можете сказать о нем?

– Ничего.

– То есть?... – Скворцов посмотрел на меня с явным недоверием. – Как я понял, он шел от вас.

Мне не хотелось, было попросту неудобно рассказывать о вчерашних своих похождениях, тем более что подробностей я толком не знала сама. Поэтому я вполне искренне уверила, что не имею никакого представления, от кого шел этот молодой человек и почему вообще оказался в нашем подъезде.

Капитан устало вздохнул и поднялся:

– Тогда пойдемте, Янина Петровна, посмотрим на вашего несчастного друга. Вдруг вы все же узнаете его, мало ли как бывает...

Накинув на плечи цветастый платок, подаренный мне бабушкой пару лет назад, я двинулась за следователем на лестницу.

Работа там шла полным ходом. Труп уже перевернули, и вокруг него суетился эксперт-фотограф с какими-то линеечками и реечками. Я с трудом заставила себя взглянуть в лицо покойника. Дело в том, что я панически боюсь всего, что свя-

зано со смертью, похоронами, гробами, едва заслышав с улицы звуки похоронного марша, я задерживаю шторы, включаю телевизор и надеваю наушники. Но наибольший ужас у меня, несомненно, вызывает лицо покойника. По-моему, оно полностью теряет сходство с лицом живого человека, превращаясь в маску, вылепленную нерадивым скульптором, который так и не научился добиваться полного портретного сходства со своей моделью. С большим трудом я заставила себя внимательно рассмотреть погибшего молодого человека.

Его лицо знакомым мне не показалось. Даже если я и видела его где-то раньше, то, возможно, лишь мельком, недолго, а памяти на лица у меня нет вовсе. Хорошо знакомого человека я, конечно, узнала бы... Но этого... Нет, он явно был мне не знаком. Но все это я осознала значительно позже.

Раньше, чем я смогла взглянуть в лицо несчастного, мой взгляд уперся в ручку ножа. Я много раз видела ее, держала в руках на своей собственной кухне, разделявая мясо, курицу, рыбу, лук... и даже торт в тот злополучный день я резала именно этим ножом. Откуда он взялся в нашем доме, я, по чести сказать, не помню. Мой бывший муж его то ли купил на рынке, то ли привез с какой-то очередной охоты. Нож необычный, видимо, ручной работы, из хорошей стали, с красивой ручкой. Он, конечно, великоват для кухни, зато долго не тупится, не гнется, им можно резать все, что угодно. Я привыкла к нему, приспособилась и теперь вполне ловко чищу им картошку. Гости предпочитают пользовать-

ся маленькими кухонными ножичками, которых у меня в избытке. Я же пользуюсь только им.

И вот теперь спутник моих кулинарных изысков торчит в шее жертвы убийства, произошедшего напротив двери в мою квартиру. Сказать, что я была в шоке, значит, ничего не сказать. Представив, что убийца крадется по моей незапертой квартире мимо меня, беззащитно спящей на диване, берет нож, а затем всаживает его в горло этого человека, я тихо упала в обморок.

Глава 4

Яна

Придя в себя от резкого запаха нашатыря все на том же своем диване, я на секунду поверила, что все это сон. Страшный, но всего лишь сон. Суровое лицо Антона Евгеньевича вернуло меня к реальности. Вокруг дивана суетился эксперт с фотоаппаратом на шее. Видимо, он и медиком подрабатывал по совместительству. Они что-то говорили мне, а я мучительно соображала, признать нож своим или нет. Вдруг они не поверят в грабителя и решат, что это я сама убила незнакомца. Домыслить почему не так уж и сложно. Выбор большой: ревность, ссора, временное помешательство, наконец. И соседи, помнится, что-то говорили о ссоре и скандале. Господи! А вдруг это действительно я?! Приняла его за грабителя, например? Хотя, если он в семь ушел от меня веселый и довольный, может, это снимет с меня подозрения? Нет, надо сознаваться. Нож этот видели многие, забыть его сложно, да и отпечатки пальцев мои там есть наверняка. Господи! Ну неужели можно так наказывать человека за пару лишних рюмок?! Откуда взялся этот красавчик на мою голову?!

Глубоко вздохнув, я призналась, что нож мой. Капитан ничему не удивился, записал все с моих слов и в глубокой

задумчивости уставился в окно. В квартире повисла напряженная тишина, которую минут через пять нарушило шумное возвращение участкового с кипой листочков, исписанных показаниями моих соседей.

В целом, по их дружным уверениям, картина вышла для меня нерадостная, но и ясности не прибавила. Вот как вчерашний вечер выглядел в их глазах.

Сначала все было тихо, спокойно и интеллигентно. Ссорились соседи на пятом, между первым и вторым этажами курили подростки. Наша квартира обратила на себя внимание бдительных соседей где-то около девяти тридцати – десяти часов, когда музыка перешла допустимые в нашей панельной пятиэтажке пределы и перекрыла даже скандал на пятом этаже. Затем, в течение двух часов, соседи тихо бесились от грохота музыки, смеха, даже гогота, как выразился сосед слева, но в целом картина не выбивалась за рамки шумного пьяного веселья.

Ровно в двенадцать музыка резко оборвалась, соседи только было вздохнули облегченно, как из нашей квартиры донесся звон битой посуды, гром падающих предметов, громкая брань. Из чего был сделан однозначный вывод о драке и скандале. Затем потасовка переместилась на лестницу. Зрителем быть никто не отважился, зато слушателем пожелал стать каждый. Несмотря на это обстоятельство, сути скандала не удалось уловить никому. Видимо, основное было сказано еще в квартире, а в подъезд выплеснулись лишь эмоции.

Группа скандалящих людей переместилась на лестничную клетку второго этажа, где и была поставлена последняя точка путем нескольких оплеух, разбитого окна и пары нецензурных выражений. Затем группа разделилась: часть вернулась в квартиру, другая вышла на улицу, о чем возвестил сначала хлопок моей двери, затем подъездной. Ни в одной из групп слушатели не слышали женских голосов. Через пятнадцать–двадцать минут задремавшие было жильцы подъезда были вновь разбужены делегацией, вывалившейся из моей квартиры. Причем замыкающей этой группы была я, о чем безошибочно все догадались по моему громкому беззаботному пению. Делегация почти без остановок проследовала во двор, после чего наступило долгожданное затишье где-то до трех часов ночи. Ближе к трем мое пение вновь зазвучало под окнами многострадальных соседей. Этого последнего удара и не выдержали нервы Никулишны: надев халат и тапки, она решилась-таки озвучить свое возмущение. Меня в компании убитого ныне молодого человека она застала на лестничной клетке второго этажа, где двумя часами раньше было разбито окно, а теперь наблюдалась картина еще удивительнее. Мы вдвоем сосредоточенно ощипывали грандиозный букет роз и покрывали их лепестками загаженный, покрытый осколками пол. Периодически я лезла к парню целоваться, он не возражал.

Тихо и вежливо – вот это я представить могу с трудом – Никулишна попросила нас не шуметь и вообще удалиться

на отведенную мне согласно прописке территорию. Что-то говорила о нервах, давлении.

Молодой человек оказался чутким, воспитанным и на удивление почти трезвым, чего никак нельзя было сказать обо мне. Он твердо заверил вежливую пенсионерку, что сон ее больше ничто не потревожит, и слово сдержал. Потом взял меня в охапку, дотащил до двери квартиры, хлопнул замком, и все. Наконец, в нашем доме наступила тишина.

Парень оставил благодаря всему этому доброе и приятное впечатление в душе Никулишны.

Каково же было ее удивление, когда она вдруг увидела его в стельку пьяного, валяющегося в подъезде напротив моей квартиры. Она не замедлила поделиться своим возмущением со всеми соседями, встреченными ею по дороге в универсам. Сунуться ко мне она поначалу не решилась, о чем сейчас горько сожалеет.

Соседка Татьяна Андреевна Андропова, восьми лет, охотно рассказала о встрече с «раздетым дядей» в семь часов утра, о чем я уже слышала от нее раньше.

Вот и все. Куча подробностей, которые еще более запутали дело, по крайней мере для меня.

Перед соседями было мучительно стыдно... так, что хотелось плакать... Вообще, за исключением вчерашнего, все жители нашего подъезда меня дружно хвалили и искренне удивлялись, что это случилось у «тихой», «вежливой», «воспитанной», «отзывчивой» Яночки.

По их словам, да и в действительности, впрочем, я вежливая, интеллигентная женщина, непьющая, среднего достатка. Те, кто помоложе, отметили, что я хорошо одеваюсь, иной раз слишком броско, но молодежи это позволительно. Мусор выношу, как положено, собака моя не гадит, кошек не гоняет, не воеет по ночам. Что еще? Все, наверное...

Мужа моего бывшего Игоря многие недолюбливали, шумный был, грубый, невыдержанный, жалели меня, потом радовались разводу. Теперь напряженно следили, как развивается моя личная жизнь, хотя в этом я их вряд ли чем сильно радовала.

Здесь же прилагался список примет особ мужского и женского пола, наиболее часто посещающих меня в последние месяцы, довольно неуклюжих, кстати, даже я многих по этим приметам не признала.

Первой в списке шла «вульгарная и наглая девка в красном пальто» – по всей видимости, Марина. Человека, хотя бы отдаленно напоминающего парня с лестницы, в списке обнаружить не удалось.

Я поразилась, сколько места занимаю в умах и на языках соседей, которые, как мне казалось, не замечают меня вовсе. Порой я даже стеснялась здороваться с ними в магазинах и автобусах, как-то неприлично лезть с приветствиями к едва знакомым людям. А вот поди ж ты... Н-да... Поистине сегодня день открытий!

Наконец, вся следственная группа, закончив дела, собралась в моей гостиной. Труп увезли, все возможные отпечатки сняли, мою квартиру, подъезд, двор обыскали... Вернее, осмотрели просто, так как никто не знал толком, что искать. Осталось решить, что делать со мной. Оставить пока на свободе, сразу арестовывать или еще что. Мое отношение к этому вопросу, я думаю, понятно, а вот выражение лица Антона Евгеньевича мне явно не нравилось. Когда он узнал, что после обнаружения трупа я тщательно вымыла всю посуду, полы, сунула простыни в стирку, почти уверился в моей виновности. Да и нож...

Участковый дядя Гриша сваливал все на шок, мою чистоплотность и неопытность в подобного рода ситуациях.

Эксперт намекал, что лучше на всякий случай посадить, а там, мол, разберутся.

Я уже прикидывала, что взять с собой в камеру...

В конце концов все же решили пока оставить меня на свободе. Капитан сказал, что дело это наверняка поручат другому следователю, он-то ведь просто дежурный. Вот пусть тот и решает, что со мной делать... Меня предупредили, что я всегда должна быть под рукой, если понадобится, что у них «длинные руки и бегать от них бесполезно», а лучше сидеть дома и ждать вызова на допрос. Я клятвенно заверила, что все поняла, запомнила и бежать, само собой, никуда не собираюсь.

Еще через десять минут я наконец осталась одна. И в пол-

ном ступоре.

Уборка опять пошла насмарку. Пол затоптали, все осыпали какой-то черной гадостью для снятия отпечатков... Бардак после обыска полный. По инерции, все в том же полубессознательном состоянии, я взялась за ведро и швабру. Когда вторая за этот день уборка подходила к концу, я вдруг застыла с тряпкой в руках. Господи, что же я извожу себя догадками, мучаюсь! Есть ведь аж три человека, которые наверняка знают, что произошло вчера в моей квартире. Ну, хоть одно из них не страдает провалами в памяти, как я. И Маринка не будет спать вечно, когда-нибудь она проснется... И как ответ на мои мысли, вдруг ожил телефон.

Глава 5

Яна

Часы на стене показывали 16.08. Ничего себе день пролетел! Телефон надрывался, я схватила трубку.

– Привет, соня! Почему не звонишь? Как ты? Как Женечка? Он еще у тебя? Почему ты молчишь? Ты что, не можешь говорить? Он рядом стоит, да?

Марина засыпала меня вопросами. Судя по всему, неведомый Женя сильно интересовал мою подругу, и я начала подозревать, кто он такой.

– Мариша, ты все помнишь, что было здесь вчера? – аккуратно поинтересовалась я.

– Конечно. Не помню только, где разорвала колготки. Прикинь, первый раз надела, сто шестьдесят рубликов отвалила. Вот лежу, мучаюсь, вспоминаю...

– Мне бы твои заботы. Сиди дома, лежи, вернее. Я сейчас приду. Такое расскажу, с ума сойдешь!

– Тогда пива купи и сигарет, – зевнула Марина. – И давай быстрее, курить жуть как хочется.

– Хорошо, постараюсь быстро. А ты в деталях мельчайших вспоминай, чего мы вчера начудили.

– Слушай, а чего случилось-то? – В голосе подруги появились явные нотки заинтересованности. – Голос у тебе ка-

кой-то...

– После. Так много всего, что в трубку телефона просто не уберется. Жди.

Ровно через сорок минут я, тщательно одетая и накрашенная, стояла перед дверью своей подруги.

Заинтригованная Марина открыла дверь почти мгновенно, видимо, ждала меня с нетерпением.

– Слушай, ну класс! Где ты взяла такие джинсы? Ну, супер! А в них не холодно? Ветрище жуть...

Разувшись, я затолкала ее в спальню и твердо сказала:

– Рассказывай!

– Нет, ты расскажи сначала сама. Чего случилось-то?! Про что конкретно рассказывать?

– Вспомни все, что было вчера, после того, как Миша и Славик сходили за водкой. Я не знаю, что важно, поэтому давай все по порядку.

– Тогда дай хоть пива сначала выпить, голова прямо трещит, честно говоря. Везет тебе, Ян, никакого похмелья.

– Пусть и тебе повезет так же, – усмехнулась я. – Только ты наверняка откажешься от такого везения, когда узнаешь мой сегодняшний способ протрезвления.

– Ну, уж если так, то я прямо вся забеспокоилась и тем более должна выпить пивка и покурить заодно.

Мы выпили по банке пива, и, затянувшись сигаретой, Марина начала бесценный для меня рассказ.

Все три версии вчерашних событий – моя, соседей и Ма-

ринки — дополняли друг друга, и, наконец, картина развернулась передо мной во всей своей полноте. Правда, лишь до трех часов ночи. Остальное осветить было некому. Из двух участников один страдал потерей памяти, ну а второй замолк навсегда...

***Рассказ Марины Орловой, записанный от
первого лица без изменений и дополнений***

«— Ну, в общем, как ты сама уже поняла, Мишаня мой попросил меня пристроить друга его Славика в хорошие руки, он даже всячески намекал на тебя... Ну я не смогла ему отказать, сама понимаешь... хотя Славик этот — парень, прямо скажу, не ах. Неудивительно, что желающих на него найти трудновато. Мне, например, он даже с приплатой не нужен, да и тебе, подруга, как видно, тоже. Но я так здраво рассудила, что вряд ли от нас убудет, и пообещала при случае поспособствовать этому Славику в его безнадежной затее.

Вчера как раз случай и представился. Олег в командировке, суббота, повод у тебя опять же есть. Короче, просигнализировала я Михаилу: мол, выпивка-закуска с вас, горячее гостеприимство с нас. Все получилось чудесно. Ты все раскусила сразу, но вела себя прилично, не нахамила даже ни разу и в танцах нашему протезу не отказывала. Но я-то сразу просекла, что Славику не светит, я ж не слепая. А он запал на тебя прямо, да тоже не дурак ведь, видит, что не по нему ты

баба. Жалко его стало до слез, ей-богу. Посовещались мы с Мишей и решили, что надо же парню шанс дать хоть раз в жизни счастливым побыть, а для этого тебя нужно немного выбить из колеи, в здравом уме ты на это не пошла бы, факт. А так, может, из жалости или еще как... Каких усилий нам стоило тебя немножко подпоить, ты представляешь сама, но результат того стоил. Вино и музыка так на тебя подействовали, что прямо аут. Прав, видно, был твой благоверный. В подпитии ты потрясная женщина. И выгорела бы наша затея, да этот паразит, твой муж, испортил все наши заготовки.

Было так классно, на горячее мы делали курицу, к вечеру от нее остались только косточки, и вы с Мишей решили превратить их в лебедей. Затея, конечно, зряшная, но если вспомнить царевну Лягушку, то попробовать было прикольно. Ты залезла на стол, набила рукава своей блузки костями и пошла плясать, руками махать. Лебеди так и не появились, я так думаю, виноват в этом в основном Дизель: он не давал костям долететь до земли и сожрал всех будущих птичек прямо в воздухе. Блузка была безнадежно изгваздана, и ты, не слезая со стола, начала снимать ее, да так увлеклась, что мужики прямо решили, что они на сеансе в стрип-клубе, затаились, не дышат. Я даже, грешным делом, забеспокоилась за Мишу, заревновала немножко, что уж скрывать... даже тоже хотела к тебе на стол за компанию лезть, и тут приперся твой паразит муженек.

Трудно сказать, зачем его принесло. Может,

помириться возжелал или запоздало с Восьмым марта поздравить, но, увидев, что такой грустный, по его мнению, день мы отмечаем уж очень весело и непринужденно, он прямо озверел. Тебя со стола стащил, начал на людей натурально кидаться, что твой Дизель. Ну, с Михаилом, ты сама понимаешь, не поспоришь, его весовая категория – решающий аргумент в его пользу. Но поначалу он вмешиваться не стал, вдруг тебе будет неприятно.

А уж когда ты в Игорька стулом метнула и горшком прямо с цветком, плакать стала, умолять избавить тебя от этого «урода и монстра», отнять у него, наконец, ключи, чтобы он не шлялся тут, когда ему в голову взбредет, то я разрешила Мише взять инициативу в свои руки и урезонить зарвавшегося нахала. Что он и сделал, как говорится, «аккуратно, но больно». Ребята вывели Игоря из квартиры, привели на лестничной клетке еще парочку весомых аргументов и отпустили его с миром к чертовой матери.

Настроение было безнадежно испорчено, веселье как-то не клеилось, и мы засобирались домой. Хитрый Славик загундел, что живет он страх как далеко, а ехать ко мне ему неудобно, мешать нам, то да се... Твое настроение отчего-то резко изменилось, и ты прямо обрадовалась возможности оставить этого заморыша у себя. Заявила, что такой героический Славик нужен тебе сегодня ночью до зарезу, ведь свирепый муженек наверняка караулит на улице, когда гости уйдут, чтобы вернуться и закончить свое черное дело (Отелло

гребаный). После этого наш Ромео отчего-то вспомнил, что он интеллигентный человек и ему не пристало шокировать даму и оставаться у нее на ночь при первом же знакомстве. Совсем неинтеллигентный Миша при этом плюнул прямо на пол и посмотрел на друга с явным презрением. Ты совсем не огорчилась, оставшись без защиты, а даже запела что-то типа «Кавалергарды век не долог...». И выразила горячее желание проводить нас до проспекта, где мы обычно ловим такси.

Шумной толпой, вместе с тобой и Дизелем, мы двинулись на улицу.

Почти дойдя до проспекта, мы стали свидетелями и даже участниками потрясной заварушки, происходящей в подворотне прямо перед выездом на шоссе.

Два парня, один из которых был с пистолетом (прикинь, да!), выволокли из шикарной тачки (жаль, название не знаю, надо будет спросить у ребят) третьего, связали и явно вознамерились пристрелить. Пальто с него они, видно, уже стянули, оно валялось на заднем сиденье, и приспичило же им снять еще и пиджак, что было, учитывая то обстоятельство, что руки у парня были связаны, очень даже не просто. Тот, что без пистолета, уже почти стянул пиджак, но веревка мешала снять рукава, и он мучительно решал, развязать ее или плюнуть все же на шикарный клифт, мочить дядьку и уносить ноги. Эти размышления и спасли Жене жизнь.

Сначала мы обалдели. Натурально в землю вросли. Первым очухался Дизель и рванул в сторону парней,

чем несколько огорчил их, они почувствовали себя как-то неуютно рядом с разъяренной московской сторожевой. Когда ствол пистолета повернулся в сторону пса, умерла ты и бросилась на помощь собаке. Нам не оставалось ничего, кроме как рвануть за тобой. Инициативу опять перехватил Миша. Он заговорил и понес такую ахиною, что я прямо чуть с катушек не слетела. Что-то типа:

– Братаны, не по понятиям поступаете. Чем вам кобель-то помешал? Да и, в натуре, где это видано клеить такую тачку и польститься на вшивый клифт. Тьфу. Быстрее рвите отсюда когти, пришить парня мы вам не дадим, в падло свидетелем становиться такого беспредела, а нас всех мочить устанешь, тем более что за нас еще братки впрягутся. Щас подтянутся...

Парни переглянулись и без слов рванули к машине, через секунду их уже и след простыл.

Мы были счастливы и довольны собой, особенно Миша, я им прямо загордилась. Славик, правда, выглядел несколько пришибленно, я даже подошла, понюхала, не случилось ли у него чего неожиданного с испугу.

Спасенный нами мужик выглядел несколько помято, но в целом не плохо для без пяти минут покойника.

Руки ему мы развязали, он натянул на себя пиджачок, но тепла это не прибавило. Мы по-братски поделились с ним шмотками, кто чем богат, как говорится. Миша снял с себя свитер и надел парню прямо поверх костюма, я накинула капюшон, а ему

презентовала шапку вязаную, ты отдала огромный пуховый шарф, а добрый Славик зачем-то протянул ему варежки. В таком вот незабываемом виде появились мы в круглосуточном кафе на проспекте. Парень оттаял. Благодарен он нам был безмерно и категорически настаивал хотя бы посидеть за его счет в кафе. Деньги у него, конечно, сперли эти дегенераты, но кредитная карта осталась в кармане, расплатился он ею без проблем. Плюс к шикарному столу, накрытому за пять секунд расторопным официантом, он еще приобрел два огромных букета роз и, трогательно улыбаясь, преподнес нам, стоя на коленях.

Звали его Евгений. Парень, я тебе скажу, подруга, супер! Даже в таком смешном прикиде он выглядел потрясно. Если бы не Миша, я бы, наверное, на все пошла, чтобы заполучить такого. Но по чести сказать, он смотрел только на тебя. Повезло тебе, Янка, завидно даже. Начала вечер с убогим Славиком, а закончила с шикарным Женечкой. Смотри, не упusti. Такой шанс дважды не выпадает.

Ну а дальше что ж? Поели, попили, Женя нам по сотовому тачку вызвал, а сам с тобой остался. Проводить, то да се, да и вещи, говорит, вернуть надо. Тебе он тоже приглянулся, это заметно было. Короче, к моменту нашего отбытия вы выглядели вполне состоявшейся влюбленной парой».

– Пожалуй, это все известные мне события вчерашнего вечера и ночи. Чем мы потом занимались с Мишей, тебя, на-

деюсь, не волнует? – игриво поинтересовалась Марина. – У нас все закончилось, как обычно. Лучше ты быстрее расскажи, что у вас там было с красавчиком? Сгораю от любопытства и от зависти просто тлею. Ну, рассказывай, не томи!

И я ей рассказала.

Глава 6

Яна

Мой рассказ произвел на Марину не меньшее впечатление, чем только что ее на меня.

Выслушав друг друга, мы ошеломленно замолчали, думая каждая о своем.

Я размышляла о превратностях коварной судьбы, которая чудом спасла жизнь замечательному парню Жене, увела его из-под дула бандитского пистолета для того лишь, чтобы подвести его горло под лезвие моего кухонного ножа. Стоило ли так напрягаться, рисковать нашими жизнями, если результат все равно один, для парня явно неутешительный? Хорошо, хоть я его совсем не помню, а то не исключено, что мне пришлось бы испытать настоящее горе от потери такого друга. Сейчас же, по чести, я больше переживала о своей дальнейшей судьбе в связи с этими событиями, чем предавалась тоске по утраченному кавалеру. Что же, для него я сделала все, что могла. Спасла ему жизнь, между прочим! И не моя вина, что во второй раз меня рядом не оказалось. Вот только нож... Как же он оказался в руках убийцы? И за что все-таки убили Евгения? Ведь вещи все остались при нем, и даже кредитку милиция нашла в кармане пиджака.

Мысли моей подруги текли, как оказалось, совсем в дру-

гом направлении. Она вдруг вышла из задумчивости и почти прокричала со слезами в голосе:

– Нет, ну паразит, ну паразит же! Я знала, что когда-нибудь он подведет меня под монастырь! Теперь из-за него по милициям затаскают, придется объяснять, что да как и за что он его прирезал, гад. Все раскроется, Олег узнает, как я тут без него время провожу, как плачу и скучаю, и тоже меня убьет или, еще хуже того, разведется со мной к чертовой матери! Куда я тогда подамся? Что делать, подруга?! Как же теперь быть? Лучше бы мы этого Женьку и не спасали вообще, ему польза вышла небольшая, а нам теперь отдувайся! – неожиданно пришла Марина к тому же выводу, что и я. – А главное, что обидно, все из-за этого паразита. Одно радует, хоть ты теперь от него избавилась окончательно. Явно, мы его теперь долго не увидим.

– Пстой, пстой, о ком это ты?

– Слушай, да ты что совсем, что ли, с печки упала? Не поняла еще, что это все твой муженек – придурок ревнивый – устроил? Если уж он вчера из-за Славика убогонького чуть с катушек не слетел, так при виде Евгения у него, наверное, совсем мозги последние от ревности затуманились. Нет, ну ты подумай сама, – видя мои сомнения, начала развивать свою мысль Марина. – Ведь все тогда сходится. И нож. Замок у тебя захлопывается, снаружи дверь можно открыть только ключом. А у кого, кроме тебя, есть ключ от квартиры? Вот то-то и оно! Он, наверное, решил ночью еще попытаться к

тебе подъехать, подождал, пока мы уберемся домой, и вернулся. А тут ты с кавалером, да еще с каким! Вот он и взбеленился. Сначала, может, не решился, а к утру дозрел и прикончил соперника. Когда он нож взял, точно не скажу, может, когда вы еще не вернулись... Например, попугать тебя хотел. Ты же знаешь, он на все способен. А может, потом проник в квартиру, когда вы уже спали... Короче, не важно, что там у него на уме было, но, кроме него, нож никто взять не мог, и к чему это привело, ты сама видишь... Возможно, он и не хотел ничего такого, только поговорить, может, даже позвонил, попросил Женю выйти, пока ты спала, а там – вид ему Женькин довольный не понравился, или сказал он ему чего не то... Но как ни крути, больше некому хахаля твоего с утра пораньше у твоей двери прирезать, – убежденно закончила подруга.

Я ошеломленно молчала. Такой вариант как-то не приходил мне в голову. Думаю, из-за того, что раньше я не помнила о визите Игоря в мою квартиру, а скорее потому, что лучше меня моего мужа мало кто знает. Несмотря ни на что, он человек разумный, не псих... Да и любовь ко мне он вряд ли такую испытывает, чтобы ради нее лишить человека жизни, а самому остаток дней провести в вонючей тюремной камере. Да, версия Марины звучит убедительно, но только не для меня, хотя следователю, боюсь, она тоже понравится. Нельзя, конечно, ручаться за человека, с которым ты давно перестал быть близок. Вообще ни за кого, кроме себя, ручаться нель-

зя... Но я почему-то была убеждена, что к происшествию на моей лестничной клетке Игорь не имеет никакого отношения. Но показания Марины, Миши, Славика, которых в ближайшие дни вызовут на допрос, несомненно, возбудят в душе следователя веские сомнения в непричастности моего бывшего мужа. Может, попросить их не упоминать Игоря, рассказывая о событиях субботнего вечера?.. Но как только я заикнулась об этом, подруга завопила как резаная:

– Ты что, рехнулась, что ли?! Молчать, чтобы прикрыть убийцу, только потому, что ты разнюнилась от жалости к этому уроду?! Может, возгордилась, что ради твоей любви человека прирезали?! Может, ему еще и орден дать за высоту его чувств?! Да как тебе только в голову пришло, что все мы такие же простофили, как ты, кого может обмануть даже сопливый малыш? А ты о Женьке подумала? Он-то за что пострадал? Зачем ты тогда его к себе вообще пригласила, если тебе так этот недоносок дорог? Ну, иди, сиди, жди, может, еще придет кого зарезать, а может, с тебя самой и начнет! А меня уж уволь, мне жизнь пока дорога, чтобы прикрывать того, кто давно уже обезумел и по ком уже давно тюрьма плачет или психбольница. На выбор.

Закончив такую бурную речь, подруга отвернулась и обиженно-презрительно засопела, нервно прикуривая сигарету дрожащими от гнева руками. Я, конечно, прекрасно поняла ее возмущение, но мнение свое не изменила. Может, это по мне психбольница плачет, но представить Игоря в роли

грозного Отелло я была не в состоянии.

Я поняла, что пора уходить, ведь ничего путного из разговора с Мариной, уверенной в виновности моего бывшего, получиться уже не могло. И я стала прощаться:

– Ну ладно, Мариш, пока. Ты не расстраивайся, попробуем как-нибудь смягчить твою провинность в глазах мужа... А может, он ничего еще и не узнает, его ведь нет сейчас в городе, так что не бойся. Он когда возвращается-то?

– Не знаю я... как закончит все дела, так и прибудет. А ты мне глаза не замазывай и не обижайся, я ведь о тебе беспокоюсь. Смотри, подруга, как бы это все правда не кончилось плохо. Замок хоть смени, шастает по квартире всяк, кому не лень... А то у меня оставайся, поживи пока. Олег вернется, сделает тебе новый замок, сама-то ты не сможешь. Черт с ним, посвятим его в суть происшествия, чего уж. Выкручусь как-нибудь.

Я вам честно скажу, у меня слезы на глаза навернулись от такой самоотверженности. Никто давно так не заботился обо мне, кроме родителей. А уж то, что такая ветреная девчонка, как Марина, ради моей безопасности готова рискнуть своим благополучием, поразило меня и растрогало.

– Спасибо тебе, Мариш, за то, что беспокоишься обо мне, но, ей-богу, не могу остаться. А как же Дизель? Он ведь до сих пор на улице. Я совсем о нем забыла, сегодня не покормила и даже домой не крикнула. Пойду я. Обещаю быть осторожной и дверь на ночь на задвижку закрою.

– Врешь ты все. Нету у тебя никакой задвижки, – грустно подвела черту подруга. – Ну да как знаешь. Ты все же человек взрослый, хоть и глупый. Давай иди судьбе навстречу.

И я пошла.

Пока мы беседовали, на улице постепенно стемнело, зато погода наладилась, ветер поутих, дождь прекратился, и я решила прогуляться до дома пешком. Живем мы с подругой не так уж близко, но и не особенно далеко. Мне надо бы проветриться и обдумать все спокойно, в конце то концов... Размышления мои не привели ни к чему путному, зато голова, правда, стала посвежей. Я немного успокоилась, но сердце мое опять неприятно заныло, когда перед своим подъездом на лавочке я увидела Игоря, который преспокойно поглаживал Дизеля и явно ожидал моего возвращения. Я не испугалась, нет, но встреча эта меня не обрадовала. Хотя, с другой стороны, поговорить нам все равно придется, так почему не сейчас? Приглашать его в дом я, естественно, не собиралась и поэтому присела рядом на лавку. Дизель обрадовался безмерно. Еще бы, два горячо любимых хозяина, и оба рядом с ним. Что еще надо преданному, хоть и голодно-му псу? Когда ночами в первые недели после развода я тихо плакала от обиды и непривычного одиночества, Дизель жалел меня, лизал руки. Я жаловалась ему, как единственному живому существу поблизости, на тоску и несправедливости судьбы, винила во всем Игоря. Но пес все равно, видимо, не понял моей обиды и, продолжая безмерно обожать меня, с

не меньшей преданностью относился и к нему, скучал. Видимо, для собаки хозяин никогда не становится «бывшим». Он хозяин, и все. Навсегда. А хороший он или плохой человек, не важно, главное – он хозяин, и этим все сказано для настоящей умной собаки.

Игорь выглядел не лучшим образом. Подавленный и, я бы сказала, несчастный.

– Ты знаешь, Яна, я пришел в общем только затем, чтобы извиниться. Понимаешь, грустно так вчера стало, ведь год уже, как мы с тобой расстались, а все как-то не привыкну жить один, ну, думаю, может, и ты... В общем, не знаю, на что я надеялся... ну, смотрю, свет у тебя, зашел. А вы веселые такие, справляете, что от меня избавились. Обидно мне стало, жуть. Завелся, конечно. Извини, что праздник испортил. Обзывал тебя. Я же понимаю, что мы теперь не вместе, ты имеешь право жить, как тебе нравится, встречаться, с кем хочешь... Да ты и раньше на все это права имела, только я этого не понимал, а теперь чего уж... Поздно, ушел поезд. Но это все я сегодня понял, а вчера, ты уж извини, немного с катушек съехал.

– Не терзайся. Как ты меня обзывал, я не помню... но если бы и помнила, ничего страшного – скандальчиком больше, скандальчиком меньше, нашел чем удивить. Я уже давно тебя другим и не представляю. Только со сжатыми кулаками.

– Зря ты так, Янка, – вздохнул мой бывший муж. – Ты же знаешь, что не права. От того, что я вчера увидел, любой

муж бы озверел, даже бывший. И добро бы мужик хоть был стоящий, а то променяла меня на заморыша какого-то. Тьфу прямо. Ну ладно, пошел я.

– Нет уж, погоди теперь, раз сам пришел, послушай меня.

Я рассказала ему о событиях вчерашнего вечера, сегодняшнего утра, подозрениях Марины и тех неприятностях, которые замаячили перед его, Игоревым, носом из-за вчерашней скандальной выходки.

– Так что можешь особенно не извиняться. Я тебе все заранее прощаю. Ведь наказал ты себя значительно больше, чем меня, и неизвестно, чем все это закончится.

– Да вы что! С ума, что ли, сошли? Я даже не знал, что он к тебе приходил. Я и лицо-то его не видел. Вы что вообще, что ли?! Зачем мне убивать? Я кролика не смогу придумать! Да я крови боюсь! И нож я тоже взять не мог, не было у меня ключей. Маринкин амбал отнял их (как ты, кстати, и просила сама). А потом выбросил в разбитое окно, и меня пригрозил метнуть следом, если по-доброму не уберусь... – У Игоря даже руки затряслись от возмущения. Мне стало немного жаль его: у кого угодно от таких новостей шок будет. Вот только что-то мне в его словах не понравилось...

– Послушай-ка, милый, что значит «я не знал, что он к тебе приходил, лицо-то его не видел», – передразнила я. – Можно ведь подумать так, что затылок его ты видел прекрасно. Вернулся, подобрал ключи, взял нож и прирезал больного. Сзади...

Я просто издевалась, но, видимо, попала прямо в точку. Глаза у Игоря сделались еще больше, он даже побледнел так, что это стало заметно в темноте.

— Ну и что, ну видел... Видел я его. Лицо правда не видел, а сзади видел... И ключи нашел, но не утром, днем уже. Что же, сажать меня теперь за это?!

— Ладно, успокойся ты, не трясись. Я-то верю тебе, иначе не сидела бы сейчас здесь с тобой, да и ты не здесь бы сидел. Давай утешься и расскажи все по порядку. А то вопишь тут, как девочка. Ну, начинай, я слушаю, только быстрее давай, а то собаку кормить надо, весь день пес голодный по улице шныряет.

— Да кормил я его. Тот парень тоже хотел, но он уже сытый был и брать не стал. Ты знаешь, я всегда учил Дизеля ничего не брать из рук чужих... Но голодный он все равно на колбасу бы польстился... Да ладно, не смотри на меня волком, сейчас соберусь с мыслями и расскажу все по порядку. Значит, так. Ночью я ушел, правда недалеко. Видел, как вы вышли из дома, и остался ждать. Думал, что ты вернешься одна, и тут уж я с тобой поговорю. Но вас долго не было, я замерз, в квартиру я зайти не мог, найти ключи среди ночи в темноте не представлялось возможным. Да и ты, скорее всего, уехала со своим заморышем... Может, к Маринке, может, еще куда, короче, я понял, что ждать бессмысленно, и пошел пока домой. К твоему дому я вернулся часов в шесть, было еще темновато для поисков, и я сел на эту вот лавку покурить.

Тут подъезжает джип такой навороченный, вылез из него качок бритый и прямо ко мне. Не знаешь ли, говорит, в этом дворе ни у кого нет сторожевой московской? Я, конечно, спросил, зачем ему это. Объясняет, что вроде накануне неподалеку нашел такую собаку (на нашу, кстати, очень похожую), решил взять, дачу охранять. Но пес выл всю ночь, разбудил всю округу... Ну и вот, с утра пораньше он решил попробовать найти ее хозяев. Не выбрасывать же ее просто на улицу, и у себя не оставишь, соседи не позволят. А раз здесь нашел, то вот и вернулся сюда же. Ездит по дворам, расспрашивает. В общем, сказал я ему, что в этом дворе одна только похожая собака, но буквально пару часов назад я сам видел ее вместе с хозяйкой. Так что Дизель явно не тот, кого приютил у себя этот парень. Он прямо обрадовался: скажи мне, говорит, адрес хозяйки. Я подскочу попозже, как она проснется, если сам не найду, может, она подскажет чего. Собачники ведь все друг друга знают, особенно в своем районе. Может, встречались во время прогулок, в ветлечебнице или еще где. Дал я ему твой адрес, и он укатил. А я пошел ключи искать. Не нашел ни фиги, испачкался только. Решил так попробовать постучаться к тебе, может, сама откроешь, если вернулась, извинюсь хоть. Вот тогда я и увидел парня на лестнице. Он был, как ты и описываешь, в костюме и говорил по мобильнику. Я послушал маленько: чего-то там про документы, из-за которых его чуть не пришили, но он успел их спрятать... Долго так говорил, эмоционально... При нем

не захотелось уговаривать тебя открыть мне дверь, неудобно как-то. И я решил погодить немного, пока он уйдет, пошел опять ключи искать. Сажу себе в кустах, ковыряюсь в грязи, смотрю, качок вернулся. Без джипа, правда, зато не один, а с товарищем. Пошли они к тебе в подъезд. Ну, я понял, что теперь к тебе соваться просто ни к чему, я же не сказал почему-то парню, что Дизель и мой пес тоже... Ну, в общем, я ушел домой и проспал часов до пяти. Ведь всю почти ночь вокруг твоего дома ошивался. Как проснулся, пообедал и опять сюда притащился. Смотрю, Дизель круги нарезает, купил ему кое-чего, покормил. И ключи какая-то добрая душа, видать, подобрала. Я их вот на этой лавочке нашел. К тебе поднялся, тебя нет, в квартире неудобно как-то оставаться, решил тут подождать... Смотрю, качок вчерашний Дизеля покормить пытается колбасой, видно, правда собак любит. А Дизель, главное, вот молодец, огрызается и морду воротит, моя школа! Покурили мы с ним. Хозяина своей сторожевой он нашел и поэтому вроде как к тебе не стал заходить, говорит. Как будто я его не видел в семь часов входящим в твой подъезд, да еще и с товарищем. Зачем он врет, я не понял, а может, в семь тебя еще не было... он уже позже сам нашел хозяев своего пса и больше уж к тебе заходить не стал... Короче, запутался я и решил тебя все же дождаться. Узнать, что да как, на всякий случай. Какое-то смутное беспокойство эти парни вызвали... Сажу вот, жду... А во всей остальной истории я вовсе ни при чем, и парня того с сотовым я правда

больше не видел. Ни живым, ни мертвым.

История, рассказанная Игорем, была какая-то странная, почти бессмысленная и поэтому показалась мне правдивой: придумать можно было и поправдоподобней. Вообще, вся эта ситуация нравилась мне все меньше и меньше. Качки на джипах, потерянные и нашедшиеся собаки. Я вот наверняка знаю, что нет в нашем районе другого, похожего на моего пса. Да и вообще московская сторожевая сейчас большая редкость. Людей-то прокормить сложно, не только такую огромную собачищу, да и квартирки во всех окрестных пятиэтажках как конурки. А еще мне не понравилось, что парень скрыл, что он ходил ко мне. Опять же если он нашел хозяев своего пса без моей помощи, что ему снова понадобилось в нашем дворе? Ну а лезть к чужой огромной псине, особенно если она огрызается (чему я тоже в общем удивилась), более чем безрассудно. Да, тут есть о чем серьезно подумать...

Меня никак не оставляло ощущение, что качок искал не какую-то мифическую даму с собачкой, а ездил он по дворам именно в поисках меня и Дизеля. И еще эти документы... Если Игорь все правильно расслышал, то это ведь существенно меняет дело. Деньги, машина – это одно, а важные документы – это совсем-совсем другое... Тем более если преступники их так и не нашли... И теперь уже мне грозит реальная опасность. Если то, что пришло мне в голову, правда, то я влипла в очень и очень неприятную ситуацию. Заме-

шаны в нее, видимо, люди серьезные, и убийство это вовсе не разборка на бытовой почве, как все мы подумали вначале.

Я думаю, дело было так.

У парня появились документы, которых у него, по всей видимости, быть не должно. В тот момент, когда мы напоролись на ребят в подворотне, у него эти документы хотели забрать силой. Он не отдавал, и ему угрожали пистолетом. Тут некстати вывернули мы и поломали ребяткам все планы. Когда мы подошли, они обыскивали его карманы, может, дискету, флешку искали или еще чего. Видимо, они были уверены, что документы у него с собой или в машине. Но мы помешали, и им пришлось уехать. Обыскав машину, ребята ничего не нашли. Ведь, если верить Игорю, парень по телефону говорил, что хорошо спрятал документы. И им пришлось вернуться. Из всей нашей компании самым видным был Дизель – пес редкой породы. Вот по нему-то и было решено нас найти. Они стали ездить по дворам со своей сказочкой про несуществующую сторожевую, как две капли воды похожую на Дизеля. Узнав мой адрес от Игоря и услышав редкую кличку собаки, они поняли, что нашли то, что искали. Подождав, когда мой муж уйдет, вернулись, чтобы расспросить меня, куда же испарился их ненаглядный друг. Игоря в кустах они не заметили. Качок сначала один пошел в подъезд, вероятно на разведку. Но спрашивать меня ни о чем не пришлось, так как, по уверениям моего мужа, тот, кого они искали, преспокойно стоял на лестнице и трепался по телефо-

ну. Почему его убили, неизвестно. Может, он их знал, может, просто на всякий случай, но это случилось. А вот нашли ли они документы? Это пока непонятно. Да мне это, собственно, до лампочки. Страшно другое: зачем он вернулся еще раз и зачем пытался отравить мою собаку? Не угощал же он ее действительно, раз ночью пытался вообще пристрелить? И Дизель рычал явно потому, что узнал вчерашнего парня с пистолетом. Убрать собаку обычно хотят, чтобы беспрепятственно подобраться к ее хозяевам... Я похолодела. А вдруг они вернуться снова и захотят убить меня, как Женю?! Вдруг я свидетель, по их мнению. Про мою амнезию они ведь не в курсе. А если так, то опасность грозит и Марине, и Мише, и даже Славику, не говоря уж об Игоре. Да... Мы еще и сами не в курсе, во что влипли, а уже подвергаемся смертельной опасности. Ребятам, которые шляют по улицам с пистолетами и убивают с такой легкостью, один-два лишних трупа не помеха. Легче нас убрать, чем разбираться, знаем мы что-то или нет. Подруга была права: я глупый, наивный человек, если надеялась, что все как-нибудь само обойдется. Срочно нужно что-то предпринять, иначе будет поздно. Только вот что? Это хороший вопрос. Очень хороший. И очень трудный.

Глава 7

Яна

Сидя и рассуждая о таких непростых вещах, я совсем забыла об Игоре. Он тронул меня за коленку и спросил:

– Ты чего, Ян, заболела? Такое ощущение, что ты сейчас в обморок рухнешь. Может, домой тебя проводить?

– Слушай, иди отсюда, а! Без тебя тошно. И вообще, находиться рядом со мной сейчас опасно для жизни.

Не знаю, понял ли он меня, но остался сидеть на лавке. А я, свистнув псу, пошла в свою квартиру. Оказавшись дома, я заперла дверь на все замки, для верности просунула в ручку ножку стула и, не раздеваясь, пошла звонить Марине. Мне не хотелось ее пугать, но предупредить я была обязана. Она в свою очередь могла найти Мишу и рассказать ему о нашем положении.

Марина прежде всего начала опять наезжать на Игоря, что он все придумал, чтобы самому отмазаться, но, поразмыслив немного, поняла: действительно, пахнет паленым, и не на шутку разнервничалась. Я посоветовала ей побыстрее связаться с Мишей и положила трубку. Если бы я послушала Маринину истерику еще хоть минуту, то могла бы и сама впасть в такое же дикое состояние. А расслабляться мне сейчас никак нельзя. Опасность от этого не уменьшится. Нуж-

но думать, как быть дальше. Завтра мне надо на работу. Отпроситься по болезни я могу на один, ну максимум на два дня, а это ничего не решает. Они, наверное, умеют ждать. Да и в магазин надо сходить за едой для себя и собаки... Нет, долгое осадное положение я наверняка не выдержу, придется выходить на улицу. А там я удобная мишень – стреляй с любой стороны, точно не промажешь.

Ничего путного не надумав, я решила лечь спать, а утром вместо работы топать в милицию к Антону Евгеньевичу, плакать и просить защиты. Неизвестно, воспримут ли меня там всерьез, но больше мне надеяться было не на что и не на кого. Положив Дизеля на коврик у двери и приказав стеречь, я легла на диван да так и уснула без подушки и простыни, под пушистым пледом с тигром. Ночь прошла на удивление спокойно, и проспала я опять почти до девяти часов. На работу я хожу к десяти, время еще есть собраться, позавтракать. Можно даже особенно не торопиться, я ведь решила сегодня отпроситься, а это можно сделать и по телефону. В окно заглядывало весеннее солнышко. Может, из-за него, может, потому, что я выспалась неплохо, настроение было значительно лучше, чем вчера вечером. Все казалось не таким уж непоправимым. Не могут мне не поверить в милиции, ну а если поверят, то обязательно помогут, не оставят без защиты одинокую, несчастную девушку.

С такими оптимистичными мыслями я шла в кухню, когда вдруг услышала музыку. Тихую, но навязчивую. Все-

го несколько аккордов, которые повторялись и повторялись. Потом вдруг все смолкло, но, как только я пошевелилась, музыка раздалась вновь. Она слышалась, кажется, из ванны... Я похолодела. С ума я схожу, что ли, что может играть в моей ванной? Там нет даже радио. Музыка ненадолго смолкла и зазвучала вновь. Объятая страхом, я распахнула дверь ванной. Опасность всегда лучше встречать лицом к лицу. Раз она пришла, то уж не уйдет, бойся не бойся... В ванной ничего и никого необычного не было, а музыка доносилась из кучи грязного белья. Я чуть не расхохоталась, когда поняла, что меня так напугал обычный звонок сотового телефона, забытого мной при всей этой суете в кармане халата. Стоит ли брать трубку? Ведь звонят не мне, а Жене, это понятно. Но тот, кто звонит, явно не в курсе, что его больше нет... Иначе зачем звонить? Надо сказать, а то вдруг в милиции еще не установили его имя и адрес. Тогда звонок здорово помог бы. Телефон надрывался и надрывался. Раздумывать было некогда, и я нажала на кнопку ответа.

– Женька! Чем ты там занимаешься, мать твою, звоню все утро?! – рявкнул мне прямо в ухо раздраженный мужской голос. – Сам кричал, что срочно, нервы все мне истрепал, а теперь дрыхнешь! И чего ты там делаешь со своей красоткой, что трубку берешь только с сотового звонка?! Говори срочно адрес, куда мне приехать за тобой? Сначала дело, а девочки после. Тем более что, если все правда, времени у нас в обрез.

Все это он выпалил, пока я прикидывала, как бы мне по-

деликатнее сообщить нервному дяденьке, что случилось.

– Не кричите, пожалуйста. Это не Женя. Он не может подойти к телефону... Я вам сейчас все объясню, только вы успокойтесь, пожалуйста. Дело в том...

– Меня совершенно не волнует, в чем там у вас дело! Вы передайте этому паршивцу, что так дела не делаются. Зава-рил кашу, так не лезь в кусты. Как его светлость освободится и соизволит подойти к телефону, пусть перезвонит. Я жду. Передайте, что я только что вернулся, даже дома еще не был, а он подойти, видите ли, не может, министр! Так и скажите – Макс ждет звонка. Срочно!

После этого вспыльчивый Макс бросил трубку, не вникая в мои объяснения. Короткие гудки здорово разозлили меня, и я решила плюнуть на Макса вместе с его проблемами. Но вспомнила, как здорово он нервничал, когда говорил по телефону, и мне стало его жаль. Может, он и не виноват, что мама не научила его разговаривать с людьми по-человечески. Телефон у Жени был очень хороший, дорогой, естественно, с автоматическим определителем номера. Я без труда смогла записать номер, с которого звонил загадочный Макс. Судя по цифрам, это был обычный семизначный городской телефон. Если я правильно поняла, то вспыльчивый Макс сидит и ждет звонка именно по тому номеру, с которого звонил сам. Что же, дам ему еще один шанс узнать о судьбе несчастного Евгения.

Набрав номер, я услышала хорошо поставленный жен-

ский голос:

- Здравствуйте, вас слушают. Чем я могу вам помочь?
- Девушка, позовите, пожалуйста, Макса.
- Вы не туда попали, тут нет никакого Макса. – Вежливости и заинтересованности в голосе явно побавилось.

В трубке опять раздались противные короткие гудки.

Что же они все сегодня как сговорились трубки бросать?!

Ну что же, попробую еще раз. Может, соединилось неправильно. Ведь, если дамочка сидит у телефона, она не могла не видеть таинственного Макса. Он звонил оттуда всего две минуты назад.

В трубке послышался тот же приятный голос:

- Здравствуйте, вас слушают. Чем я могу вам помочь?
- Девушка, подскажите, пожалуйста, куда я попала?
- Вы попали в приемную президента промышленной группы «Альянс» Максима Алексеевича Горохова. А Макса никакого здесь нет, – добавила она ехидно.

Я поняла, что действительно ошиблась, видимо, техника, даже импортная, далеко не совершенна, и определитель номера дал сбой. Звонить из приемной президента такой громадищи, как «Альянс», мне не могли, это понятно даже ребенку. Желая как-то выйти из положения и не показаться дурочкой, которую обманул кавалер, всучивший неправильный номер, я начала объяснять девушке, в чем дело:

– Видите ли, видимо, мой определитель немного сломался, так как согласно ему с вашего номера мне только что зво-

нил мужчина, представился Максом и сказал, что ждет по этому номеру звонка от Жени. Так вот я и хотела ему сказать, чтобы не ждал и время не терял. Так что извините меня, пожалуйста...

Закончить я не успела. Девушка тихо охнула и залепетала.

– Извините меня, ради бога, что же вы сразу не сказали, что вы от Евгения Алексеевича? Боже мой, Максим Алексеевич предупреждал, чтобы с ним его соединять без промедления. А о вас он не упоминал, так что извините, ради бога, за резкость. Соединяю вас с Максимом Алексеевичем. Говорите.

Девушка чуть не плакала, а я просто обалдела. Так что, Женя брат президента «Альянса»? С ума сойти! Или это просто совпадение отчества?

– Говорите, девушка! – нетерпеливо уже в который раз повторил раздраженный мужской голос на том конце провода. Да, это он, тот самый Макс, голос, несомненно, его. – Что вы хотели сказать мне о Евгении, почему мне не ждать его звонка? Что с ним?! Ну, говорите же, не тяните!

– Женя... Он умер. Его вчера убили, – наконец решилась я.

– Как убили?! Что вы несете, девушка?! Он вчера звонил, просил побыстрее связаться с ним... Да, говорил, что было покушение, но все же ведь обошлось! Я думал это так, ерунда, и он, как всегда, все преувеличил... – Голос Максима Алексеевича стал ужасно растерянным.

– Да. Было покушение, я сама видела. И звонил он утром, видимо, именно вам. А потом его действительно убили. Прямо с телефонной трубкой в руках. Я мало знала Женю. Да и вас не имею чести знать, но соболезную. Подробности вы можете узнать в четвертом отделении милиции. Дело об убийстве пока ведет капитан Скворцов Антон Евгеньевич... – Я не знала, что еще нужно сказать в такой ситуации. – Документов никаких при Жене не было, поэтому, видимо, вам и не сообщили. Может, просто еще не узнали, кто он такой... вчера же было воскресенье... выходной... Извините... Телефон оказался у меня случайно, я просто забыла про него от таких потрясений. Вы скажите, куда его привезти, и я верну...

– Что?! Что вы несете, девушка, какой телефон?! Женьку убили, брата моего родного, какой, к черту, телефон?! Это невозможно, этого просто не может быть!!! Вы та девушка, у которой он ночевал сегодня? Да или нет? Да отвечайте же быстрее, черт вас возьми!

– Да, это я. А откуда вы знаете?

– От него. Ведь он звонил мне... Где вы находитесь? Адрес, быстро! Сидите тише мыши и никому не открывайте дверь, даже милиции. Я вам это приказываю! Вы слышите меня? Приказываю! Я сейчас же пришлю за вами людей. Нет! Сам приеду! И не открывайте никому дверь, иначе вы можете просто не дожить до моего приезда. А мне вы очень нужны. Все. Ждите.

Жизнь моя последнее время делала столько крутых виражей, что я уже устала удивляться и даже бояться, всему ведь есть предел. Я быстренько стала одеваться, наводить марашет; не каждый день в мои скромные апартаменты ожидают столь высокие гости. Я накрасила один глаз, когда в дверь настойчиво позвонили.

– Кто там?

– Откройте, пожалуйста, мы за вами.

– А где Максим Алексеевич? За дверью слегка замялись.

– Ну, девушка, милая, не будет же он лезть к вам на третий этаж. Внизу он, в машине. Ждет.

Может, кому и все равно, но я на такое ответственное свидание с одним накрашенным глазом идти не могу. Я набралась наглости и сказала:

– Пусть подождет, я сейчас сама спущусь. За дверью озадаченно замолчали. Ну и пусть, если я им так нужна, могут и подождать пару минут. Я пошла заканчивать макияж и по дороге выглянула в окно. Во дворе стоял черный джип, около которого курил бритый парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.